

К вопросу о противодействии фейковым новостям в цифровом пространстве

Элина Самородова

В статье предпринята попытка осмысления возможных механизмов регулирования распространения фейковых новостей в Интернете. Рассматривается отечественный и зарубежный опыт законодательного регулирования недостоверной информации, вопросы повышения цифровой грамотности населения как важного элемента цифрового капитала и эффективного способа минимизации ущерба, наносимого фейковыми новостями.

Ключевые слова: цифровая грамотность, фейковые новости, цифровое неравенство, медиарегулирование, цифровой капитал.

DOI: 10.30547/medialmanah.6.2021.4252

Введение

В условиях активных процессов цифровизации и глобализации происходит значительная трансформация всех сфер общественной жизни. В 2021 г. численность населения мира составила приблизительно 7,9 млрд человек¹, из них 4,66 млрд используют Интернет². Если в 1990 гг. киберпространство было идеализированным новым миром (примером служит программный документ Дж. Барлоу «Декларация независимости киберпространства»³, 1996 г.), то сегодня интернет-пользователи регулярно сталкиваются с новыми угрозами и рисками. На протяжении десятилетий государства с учетом национальных особенностей разрабатывали механизмы регулирования информации, распространяемой в Сети. Согласно ряду официальных международных документов (документ Европейского союза «Незаконный и вредный контент в Интернете»³, 1996 г., Будапештская конвенция о киберпреступности 2004 г.), а также отечественному и зарубежному опыту правового регулирования онлайн-пространства, можно резюмировать основные опасения правительств по поводу Интернета. К ним относятся угрозы национальной безопасности (терроризм и экстремистская деятельность, кибератаки), экономической

© Самородова Элина Вадимовна
научный сотрудник кафедры теории и экономики
СМИ факультета журналистики
МГУ имени М.В. Ломоносова
(г. Москва, Россия), elina_samorodova@mail.ru

безопасности (интернет-преступления, мошенничество), информационной безопасности (незаконное использование персональных данных), а также психологические угрозы (интернет-травля, способная довести до суицида).

Другой актуальной проблемой интернет-пространства (и медиасферы) стало распространение недостоверной информации (фейковых новостей). Необходимо признать, что проблема фальсификации новостных материалов вызывает интерес у медиаисследователей и журналистов уже давно. Еще в 1898 г. критик Дж. Монгомери-Макговерн опубликовал статью, в которой рассуждал о недопустимости использования недостоверной информации в целях создания сенсационных материалов (Montgomery-McGovern, 1898). В начале XX в. редактор *Associated Press* Э. МакКернон (McKernon, 1925) выразил озабоченность тем, что количество людей, стремящихся дезинформировать общественность, гораздо выше, чем думают читатели. Однако в условиях значительных политических, экономических и технологических трансформаций, произошедших на рубеже XX–XXI вв., понятие «фейковые новости» приобретает новые, не характерные для него ранее смысловые значения.

Признаком значительных изменений в коммуникационном процессе стало развитие социальных сетей, которые сегодня становятся индикатором цифровой активности населения. Отличительной особенностью социальных сетей является публикационная активность огромного количества авторов, непрофессиональных журналистов, которые становятся лидерами мнений, в связи с чем возрастает количество правонарушений (этических и др.) в цифровой среде (Панкеев, Тимофеев, 2020). В середине 2010 гг. пользователи социальных сетей *Twitter* и *Facebook* начали активно использовать термин «фейковые новости» в контексте ряда политических

и экономических событий, в первую очередь связанных с президентскими выборами в США (как в 2016 г., так и в 2020 г.), выходом Великобритании из Евросоюза, пандемией коронавирусной инфекции и др. Несмотря на то, что сообщения в социальных сетях нельзя считать новостями в полной мере, информация об актуальных событиях, транслируемая для широкой общественности, обретает схожие характеристики с новостными материалами, независимо от того, при помощи какого канала коммуникации она распространяется и кто является автором сообщений (Jaster, Lanius, 2021).

Американский исследователь Н. Хигдон (2020) отмечает, что политическая экономия Интернета не только позволяет довольно легко производить и распространять фейковые новости, но и создает структурные механизмы для их популяризации и легитимизации. Материалы, содержащие фейковые новости, обретают высокий показатель уровня вовлеченности аудитории, апеллируя к таким сильным эмоциям, как страх, отвращение и удивление (Vosoughi, Roy, Aral, 2018), вследствие чего интернет-платформы автоматически повышают темпы их распространения. Социальные сети позволяют информации распространяться без редакционной проверки, при этом отдельный пользователь способен охватить столько же читателей, сколько и крупные медиа (Allcott, Gentzkow, 2017). Канадский исследователь Р. Рини (Rini, 2017) предполагает, что при информационном обмене в социальных сетях у аудитории снижается уровень критического мышления. Интернет-пользователи могут полагаться на источники, которые считают близкими собственным убеждениям, и отвергать альтернативные точки зрения. Исследования психологических аспектов фейковых новостей также демонстрируют, что высокий уровень восприимчивости подобных материалов

обусловлен «ленивым мышлением» интернет-пользователей (Pennycook, Rand, 2018, 2021). В связи с этим актуализируются вопросы развития новых видов навыков и компетенций, включая способность пользователей самостоятельно оценивать достоверность информации.

Необходимо отметить, что сегодня в академическом сообществе не наблюдается единой интерпретации понятия «фейковые новости». В традиционном понимании фейковые новости представляют собой публично распространенную информацию, являющуюся заведомо ложной и способной ввести читателей в заблуждение (Allcott, Gentzkow, 2017). При этом Д. Кляйн и Дж. Вуллер (2017) понимают под фейковыми новостями публикацию ложных фактов непосредственно в интернет-пространстве. Согласно Р. Рини (Rini, 2017), фейковые сообщения представляют собой преднамеренный обман, предназначенный непременно для неоднократного распространения, при этом мотивы распространителей данных материалов могут быть совершенно разными (например, получение финансовой выгоды, стремление оказать влияние на политические процессы или общественное мнение). В связи со сложной природой фейковых новостей их изучение предполагает применение междисциплинарного подхода, принимая во внимания пересекающиеся аспекты журналистики, политики и технологий (Zimdars, McLeod, 2020).

Актуальные исследования фейковых новостей сосредоточены на изучении политических (Allcott, Gentzkow, 2017; Grinberg, Joseph, Friedland, Swire-Thompson et al., 2019), экономических (Fong, 2021; Parsons, 2020) и психологических (Pennycook, Rand, 2018; 2021) факторов данного феномена. Кроме того, в зарубежных академических исследованиях все чаще встречаются мнения о необходимости прекращения использования понятия «фейковые новости» в связи

с его возможной негативной политической коннотацией (Habgood-Coote, 2018). Исследователи Хельсинкского университета⁴ отмечают, что поскольку политические вопросы в значительной степени зависят от интерпретации и не могут безоговорочно обозначаться как истинные или ложные, то в современных условиях представляется необходимым отходить от идеи фейковых новостей в поисках нового, более серьезного и тонкого подхода к противостоянию недостоверной информации, фальсификации новостных материалов, распространению ложной информации в интернет-пространстве.

Актуальные тенденции регулирования фейковых новостей

Несмотря на продолжающиеся в академическом сообществе дискуссии вокруг определения понятия «фейковые новости», все больше исследователей признают необходимость противодействия распространению недостоверной информации, которое может осуществляться как на государственном уровне (правовое регулирование), так и усилиями других акторов медиарегулирования, к которым относятся международные и национальные организации, профессиональные и индустриальные сообщества, IT-индустрия и др. (Вартанова, 2019).

Вопросы правового регулирования фейковых новостей сегодня стали актуальным вызовом для государственных деятелей. Мировая практика демонстрирует, что все больше стран на законодательном уровне запрещают распространение фейковых новостей. В середине 2010-х гг. правительства многих стран (Германии, Франции, РФ, Сингапура, Бахрейна, Китая и др.) по ряду политических и экономических причин приняли нормативно-правовые акты, направленные на противодействие распространению фейковой информации как в СМИ, так и в интернет-пространстве.

Санкции за нарушение законодательства различны: от привлечения к административной ответственности и штрафов до уголовного наказания и лишения свободы (Самородова, 2020).

Принятие соответствующих законодательных инициатив зачастую сопровождается критикой со стороны как профессиональных сообществ, так и гражданского общества. Зарубежные эксперты в области права опасаются, что подобные законы могут быть неправомерно использованы в целях подавления свободы слова, а также блокировки сайтов в Интернете. Важно отметить, что в зарубежной практике наблюдались случаи отмены нормативно-правовых актов, регулирующих фейковые новости. Например, в Малайзии правительством бывшего премьер-министра Н. Разака был принят закон о фейковых новостях (2018 г.), однако спустя четыре месяца в результате дебатов парламент Малайзии принял решение об отмене данного закона в связи с возможным нарушением прав граждан на доступ к информации и ее распространение. В мае 2020 г. Президент США Д. Трамп издал указ о предотвращении интернет-цензуры, позволявший интернет-компаниям ограничивать доступ к вредоносному контенту (аннулирован 14 мая 2021 г.). Представители *Twitter*, *Facebook*, *YouTube*, в отношении которых были приняты новые меры регулирования, осудили подписание данного указа, назвав его политизированным.

Несмотря на то, что во многих странах долгое время не наблюдалось применения законодательных мер по распространению фейковых новостей, дискуссии о коронавирусной инфекции породили большое количество конспирологических теорий и фальсификации фактов, распространяемых преимущественно на онлайн-форумах, в социальных сетях и мессенджерах (Арике, Отаг, 2021). За период 2020–2021 гг. более чем 15 правительств⁵

приняли новые государственные меры против онлайн-дезинформации и распространения фейковых новостей. Например, в 2020 г. Объединенные Арабские Эмираты на государственном уровне запретили физическим лицам публиковать и распространять медицинскую информацию или рекомендации, связанные с COVID-19, противоречащие официальным заявлениям правительства. В случае нарушения постановления правительства физическим лицам грозит штраф на сумму до 20 тыс. дирхамов (около 5400 долл. США). В ноябре 2021 г. парламент Греции проголосовал за введение уголовной ответственности за распространение фейковых новостей о коронавирусной инфекции. За нарушение предусматриваются санкции в виде штрафа либо лишения свободы на срок от трех месяцев, а при распространении подобной информации посредством СМИ или Интернета – от шести месяцев.

Что касается отечественной практики, то впервые запрет на распространение фейковых новостей в РФ был введен в марте 2019 г., когда был принят пакет федеральных законов, получивших условные названия «закон о фейковых новостях» и «закон о неуважении к власти»⁶. Согласно российскому законодательству, под фейковыми новостями понимается недостоверная общественно значимая информация, «которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи»⁷.

Весной 2020 г. Верховный суд РФ опубликовал обзор судебной практики в период пандемии, в котором сообщалось

о стремительном росте фейковой информации, связанной с коронавирусной инфекцией⁸. В апреле 2020 г. была введена уголовная ответственность за распространение недостоверных материалов: в Уголовный кодекс Российской Федерации были добавлены статьи 207.1 («публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан») и 207.2 («публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия»⁹).

Примеры из судебной практики демонстрируют ряд сложностей при обвинении интернет-пользователей в распространении заведомо недостоверной информации и приводят к возникновению актуального исследовательского вопроса, кто именно должен привлекаться к ответственности – только журналисты и средства массовой информации либо любые активные интернет-пользователи. При этом многие правонарушения происходят в социальных сетях (*Facebook, Twitter, Instagram, YouTube, TikTok* и др.), регулирование которых на национальном уровне представляется чрезвычайно сложным.

Необходимо признать, что применение традиционных правовых мер к фейковым новостям затруднительно по ряду причин. Во-первых, необходимо отметить два важных аспекта их регулирования на государственном уровне: контентное и технологическое. Проблема регулирования контента обусловлена трудностями в измерении уровня недостоверности информации, что потенциально способно повысить уровень чрезмерного государственного регулирования и нарушения конституционных прав граждан. Технологические аспекты регулирования фейковых новостей осложнены тем, что основной площадкой их распространения является Интернет – глобальная система, присутствующая

во всех странах и одновременно неприязненная ни к одной из них. Децентрализация Интернета снижает способность государств контролировать содержание размещенной в Сети информации. В связи со сложной природой фейковых новостей наиболее эффективным способом регулирования на государственном уровне представляется применение комплексного подхода, подразумевающего консолидацию усилий представителей органов государственной власти, IT-индустрии, юриспруденции, академического сообщества, а также филологов и лингвистов, способных проводить лингвистическую экспертизу опубликованных материалов.

Развитие цифровой грамотности населения

В условиях цифровой трансформации всех сфер общественной жизни возникают новые государственные задачи по обеспечению равенства и социальной справедливости, участию и включенности гражданского общества в процесс принятия решений (Trappel (ed.), 2019). Неравный доступ к Интернету и цифровым технологиям, недостаточное владение цифровыми навыками и компетенциями препятствует формированию цифрового капитала – «интегральной совокупности доступа пользователей к цифровым информационным технологиям, цифровой коммуникационной среде (прежде всего к Интернету) и умения применять их в профессиональных и личных целях» (Вартанова, Гладкова, 2020). Цифровой капитал лежит в основе человеческой способности в полной мере взаимодействовать с цифровым миром (Вартанова, 2021). Накопление цифрового капитала сегодня не ограничивается вопросом подключения к Интернету и доступом к цифровым технологиям. Происходящие в мире социальные вызовы определили новые, более узкие примеры цифрового взаимодействия. Особую

важность сегодня представляет способность потреблять и критически оценивать информацию, размещенную в Интернете, в связи с этим актуализируется вопрос развития новых цифровых компетенций и навыков пользователей.

Возникновение таких новых видов грамотности, как медиа- и информационная грамотность, цифровая грамотность стало вполне естественным последствием возрастающих объемов информации. В настоящее время развитие новых информационных и цифровых компетенций рассматривается как необходимое условие для устойчивого развития всех аспектов современного общества (Livingstone, 2004; Гендина, 2013).

Проблемы различения фейковых новостей возрастают вследствие стремительного технологического развития, поэтому цифровое образование не ограничивается вопросами медиаграмотности, а требует комплексного изучения средств и методов информатики и цифровых технологий¹⁰. Академические исследования доказывают, что совершенствование цифровых компетенций пользователей, развитие аналитических способностей благоприятно влияют на способность человека воспринимать и оценивать потребляемую информацию (Roozenbeek, Schneider, Dryhurst, Kerr et. al., 2020).

Вопросы поиска эффективных механизмов регулирования фейковых новостей активно обсуждаются в профессиональных сообществах. Международная федерация библиотечных ассоциаций и учреждений (IFLA) в заявлении о фейковых новостях призвала правительства «воздерживаться от принятия законов, которые могут оказать несоразмерное влияние на свободу доступа к информации и свободу выражения мнений, в частности посредством широких или расплывчатых “запретов” на “фейковые новости” или других ограничений доступа к цифровым

ресурсам и Интернету», а также «убедиться, что регулирование интернет-платформы не создает стимулов для необоснованного ограничения свободы слова»¹¹. Вместо этого IFLA предлагает активное развитие цифровой грамотности, являющейся альтернативой законодательному регулированию и стимулом развития информационного общества¹².

Цифровая грамотность, под которой подразумевается формирование у аудитории информационно-аналитических навыков пользования цифровыми медиа и конструктивного критического мышления (Martin, Grudziecki, 2006; Waks, 2006), становится дополнительным вмешательством в процесс регулирования фейковых новостей, которое реализуется при помощи новых инициатив – как государственных (повышение цифровой грамотности населения входит в стратегические документы развития информационного общества), так и осуществляемых профессиональными сообществами и интернет-платформами.

Если обратиться к мировому рейтингу цифровой конкурентоспособности¹³, оценивающему потенциал государств по отношению к внедрению и изучению цифровых технологий для экономических и социальных преобразований, то можно проследить тенденцию, что государства, занимающие лидирующие позиции в данном рейтинге, применяют традиционные законодательные меры крайне редко. С одной стороны, это связано со сложной природой фейковых новостей и трудностями в процессе их регулирования. С другой – высокий уровень цифрового развития позволяет правительствам эффективно использовать иные меры борьбы с фальсификацией новостей, преимущественно развитие цифровой и медиаграмотности. Восемь из десяти стран-лидеров мирового рейтинга цифровой конкурентоспособности (США, Швеция, Дания, Сингапур, Швейцария, Нидерланды, Тайвань и Норвегия)

реализуют официальные программы по развитию цифровых компетенций граждан и повышению критической медиаграмотности, в результате освоения которых интернет-пользователи обретают навыки самостоятельной оценки потребляемой информации. В описаниях зарубежных программ по развитию цифровой и медиаграмотности неоднократно подчеркивается, что создание данных инициатив является ответом правительства на происходящие общественные вызовы. Кроме того, большинство программ направлены на цифровое и медиаобразование молодого поколения, для которого Интернет стал естественной средой для общения и выражения мнений (Гуреева, Дунас, Муронец, 2020)

Что касается российского опыта, то повышение информационной и цифровой грамотности населения становится одним из приоритетных направлений реализации государственной информационной политики¹⁴. В настоящее время в России реализуется ряд федеральных программ, ориентированных на развитие цифровых навыков и компетенций пользователей, а также направленных на формирование способности самостоятельно распознавать недостоверную информацию. Цель национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики») – «содействие гражданам в освоении ключевых компетенций цифровой экономики, обеспечение массовой цифровой грамотности и персонализации образования»¹⁵. В ходе программы был представлен ряд образовательных проектов, направленных на определение уровня цифровой грамотности, а также обучение безопасной работе с новыми цифровыми технологиями как для представителей приоритетных сфер общественной жизни, заинтересованных в цифровом развитии (проект CDO), так

и для всех граждан, независимо от их уровня цифровых компетенций (проект «Готов к цифре»).

Кроме того, в рамках национальной программы «Цифровая экономика в Российской Федерации» с 2019 г. ежегодно во всех регионах РФ проводится образовательная акция «Цифровой диктант», цель которой заключается в проведении онлайн-тестирования российских граждан возрастных категорий: 7–13 лет (дети), 14–17 лет (подростки), 18–59 лет (взрослые), 60 лет и старше (люди старшего возраста). В 2019 г. среднее значение уровня цифровой грамотности участников акции составило 71,5%, в 2020 г. – 72,5%, в 2021 г. – 69%¹⁶. Необходимо отметить, что массовый переход бизнеса на дистанционную работу в условиях пандемии коронавирусной инфекции стал катализатором освоения новых цифровых навыков. Согласно исследованию цифровой грамотности, проведенному аналитическим центром НАФИ, в результате перехода большинства организаций на удаленную работу уровень цифровых компетенций россиян вырос: за год «сократилась доля людей с начальным уровнем цифровой грамотности (с 7% до 4%), выросла доля россиян с базовым уровнем цифровой грамотности (с 66% до 70%), при этом доля россиян с продвинутым уровнем цифровых компетенций не увеличилась»¹⁷.

Заключение

Таким образом, переход от традиционных каналов к цифровым увеличивает уровень и скорость распространения фейковых новостей, которые представляют угрозу не только для журналистики, но и для экономического и политического развития государств. Мировая практика демонстрирует активное применение законодательных инициатив по регулированию недостоверной информации, однако механизмы противодействия значительно

различаются в связи с особенностями национальных законодательств, а также готовностью правительств применять решительные меры в ответ на возникающие вызовы.

Поиск эффективных способов минимизации распространения фейковых новостей становится актуальной задачей, стоящей перед правительствами, владельцами интернет-ресурсов, международными и национальными организациями. Сложность распознавания фейковых новостей, а также их преимущественное распространение в цифровом пространстве требует активного участия ИТ-индустрии в данном процессе. Для государства представляется важным найти механизмы мотивации участия владельцев интернет-ресурсов в подобном сотрудничестве, а перед представителями ИТ-индустрии возникает задача оперативно реагировать на правонарушения, при этом сохраняя открытость своих площадок. Необходимо признать, что в настоящее время социальные сети предпринимают активные действия по борьбе с фейковыми новостями, применяя различные механизмы модерации. На сегодняшний день наиболее часто используемым инструментом противодействия фейковой информации в социальных сетях является добавление технологической возможности сообщения о нарушении. В случае поступления большого количества жалоб о недостоверности публикация может быть рассмотрена как сотрудниками социальной сети, так и (для проверки точности фактов) отправлена партнерам – информационным агентствам и иным сторонним компаниям.

Кроме того, все больше стран, обладающих высокой степенью развития цифровых технологий, отходит от применения законодательных мер регулирования фейковых новостей, уделяя повышенное внимание вопросам развития новых цифровых навыков и компетенций населения. Повышение цифровой грамотности сегодня представляется чрезвычайно важным в целях обеспечения устойчивого политического и экономического развития государства. Академические исследования (Roosenbeek, Schneider, Dryhurst, Kerr et. al., 2020) подтверждают, что чем выше уровень цифровых компетенций граждан, тем эффективнее пользователи способны распознавать дезинформацию, фальсификацию фактов и фейковые новости.

В настоящее время в России на государственном уровне осознается необходимость повышения цифровой грамотности населения, способствующей эффективному и безопасному использованию Интернета и цифровых технологий. При этом необходимо отметить, что в то время как федеральные программы получают активное развитие в субъектах РФ реализация программ повышения цифровых компетенций происходит значительно медленнее (Вартанова, Вихрова, Самородова, 2021). Поскольку владение цифровыми технологиями и умение их применять в профессиональных и личных целях признается одним из важнейших компонентов цифрового капитала (Вартанова, Гладкова, 2020), несоответствие темпов развития цифровой грамотности в российских регионах способно усложнить ликвидацию цифрового неравенства.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31306.

Примечания

- ¹ Current World Population. Режим доступа: <https://www.worldometers.info/world-population/>
- ² Согласно отчету *Digital 2021. Global Overview Report*. Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report>
- ³ Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. *Electronic Frontier Foundation*. Режим доступа: <https://www.eff.org/cyberspace-independence>
- ⁴ Forget “Fake News” – We Need a Smarter Approach to Countermedia. Режим доступа: <https://www.helsinki.fi/en/news/nordic-welfare-news/forget-fake-news-we-need-a-smarter-approach-to-countermedia>
- ⁵ Rush to Pass ‘Fake News’ Laws During Covid-19 Intensifying Global Media Freedom Challenges. *International Press Institute*. Режим доступа: <https://ipi.media/rush-to-pass-fake-news-laws-during-covid-19-intensifying-global-media-freedom-challenges/>
- ⁶ Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180031>; Федеральный закон от 18.03.2019 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180021?>
- ⁷ Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”».
- ⁸ Обзор № 2 по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Режим доступа: http://supcourt.ru/press_center/news/28883/
- ⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
- ¹⁰ Digital Education Is More Than Just Media Literacy. *Avenir Suisse*. Режим доступа: <https://www.avenir-suisse.ch/en/digital-education-is-more-than-just-media-literacy/>
- ¹¹ Заявление IFLA о фейковых новостях. Режим доступа: <https://www.ifla.org/wp-content/uploads/2019/05/assets/faife/statements/ifla-statement-on-fake-news-ru.pdf>
- ¹² IFLA Statement on Digital Literacy (2017). *IFLA*. August 18. Режим доступа: <https://repository.ifla.org/handle/123456789/1283>
- ¹³ World Digital Competitiveness Ranking. Режим доступа: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/>
- ¹⁴ Закреплено в следующих документах: Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года; План мероприятий («дорожная карта») «Развитие отрасли информационных технологий; Государственная программа «Информационное общество».
- ¹⁵ Кадры для цифровой экономики / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/866/>
- ¹⁶ В «Цифровом диктанте 2021» приняли участие почти миллион человек. Режим доступа: <https://news.microsoft.com/ru-ru/digitaldictation2021results/>
- ¹⁷ Вынужденная цифровизация: исследование цифровой грамотности россиян в 2021 году / НАФИ. Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/>

vynuzhdennaya-tsifrovizatsiya-issledovanie-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-v-2021-godu/

Библиография

Вартанова Е.Л. Цифровой капитал как гибридный капитал: к вопросу о новых концепциях медиаисследований // Меди@льманах. 2021. № 4. С. 8–19.

Вартанова Е.Л., Гладкова А.А. Цифровой капитал в контексте концепции нематериальных капиталов // Медиаскоп. 2020. Вып. 1. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2614> DOI: 10.30547/mediascope.1.2020.

Вартанова Е.Л. Медиаполитика: актуальный академический дискурс // Меди@льманах. 2019. № 1. С. 8–17.

Вартанова Е.Л., Вихрова О.Ю., Самородова Э.В. Медиаграмотность как условие преодоления цифрового неравенства в Российской Федерации // Медиаскоп. 2021. Вып. 1. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2679> DOI: 10.30547/mediascope.1.2021.1.

Гендина Н.И. Информационная культура и медиаграмотность в России // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 77–83.

Гуреева А.Н., Дунас Д. В., Муронец О.В. Социальные медиа и политика: к вопросу о переосмыслении природы политического участия молодежи // Медиаскоп. 2020. Вып. 3. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2638>.

Панкеев И.А., Тимофеев А.А. Тенденции государственного регулирования российских СМИ: правовой аспект // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 2. С. 231–246.

Самородова Э.В. Особенности современного регулирования фейковых новостей: российский и зарубежный опыт // Медиаскоп. 2020. Вып. 3. Режим доступа: <http://mediascope.ru/2641>

Allcott H., Gentzkow M. (2017) Social Media and Fake News in the 2016 Election. *Journal of Economic Perspectives* 31: 1–28.

Apuke O.D., Omar B. (2021) Fake News and COVID–19: Modelling the Predictors of Fake News Sharing Among Social Media Users *Telematics and Informatics* 56: 1–16. DOI:10.1016/j.tele.2020.101475

Fong B. (2021) Analysing the Behavioural Finance Impact of “Fake News” Phenomena on Financial Markets: a Representative Agent Model and Empirical Validation. *Financial Innovation* 7: 53. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40854-021-00271-z>

Grinberg N., Joseph K., Friedland L., Swire-Thompson et. al. (2019) Fake News on Twitter During the 2016 US Presidential Election. *Science* 363: 374–378. DOI: 10.1126/science.aau2706

Jaster R., Lanis D. (2021) Speaking of Fake News. In: Bernecker N., Flowerree A., Grundmann T. (eds.) *The Epistemology of Fake News*. Oxford Univ. Press, pp. 19–45. DOI: 10.1093/oso/9780198863977.001.0001

Habgood-Coote J. (2018) Stop Talking about Fake News! *Inquiry* 62: 1033–1065. DOI: 10.1080/0020174X.2018.1508363

Higdon N. (2020) *The Anatomy of Fake News. A Critical News Literacy Education*. Univ. of California Press.

Klein D., Wueller D. (2017) Fake News: A Legal Perspectiv. *Journal of Internet Law* 20 (10): 5–13.

- Livingstone S. (2004) Media Literacy and the Challenge of New Information and Communication Technologies. *The Communication Review* 7 (1): 3–14. DOI: 10.1080/10714420490280152
- Martin A., Grudziecki J. (2006) DigEuLit: Concepts and Tools for Digital Literacy Development. *ITALICS Innovations in Teaching and Learning in Information and Computer Sciences* 5 (4): 249–267. DOI: 10.11120/ital.2006.05040249
- McKernon E. (1925) Fake News and the Public. *Harper's Magazine* 151: 528–536.
- Montgomery-McGovern J.B. (1898) An Important Phase of Gutter Journalism: Faking. *Arena* 19 (99): 240–253.
- Parsons D. (2020) The Impact of Fake News on Company Value: Evidence from Tesla and Galena Biopharma. *Chancellor's Honors Program Projects*. Режим доступа: https://trace.tennessee.edu/utk_chanhonoproj/2328
- Pennycook G., Rand D.G. (2018) Lazy, Not Biased: Susceptibility to Partisan Fake News Is Better Explained by Lack of Reasoning than by Motivated Reasoning. *Cognition* 188: 39–50.
- Pennycook G., Rand D.G. (2021) The Psychology of Fake News. *Trends in Cognitive Sciences* 25 (5): 388–402. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2021.02.007>
- Roozenbeek J., Schneider C.R., Dryhurst S., Kerr J. et al. (2020) Susceptibility to Misinformation about COVID-19 Around the World. Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33204475/>
- Rini R. (2017) Fake News and Partisan Epistemology. *Kennedy Institute of Ethics Journal* 27 (S2): 43–64. DOI: 10.1353/ken.2017.0025
- Trappel J. (ed.) (2019) *Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination*. Gotenborg: Nordicom.
- Vosoughi S., Roy D., Aral S. (2018) The Spread of True and False News Online. *Science* 359 (6380): 1146–1151. DOI: 10.1126/science.aap9559
- Waks L. (2006) Rethinking Technological Literacy for the Global Network Er. In: Dakers J.R. (ed.) *Defining Technological Literacy*. New York: Malgrave Macmillan, pp. 275–295. DOI: 10.1057/9781403983053_18
- Zimdars M., McLeod (2020) *Fake News: Understanding Media and Misinformation in the Digital Age*. Cambridge: The MIT Press. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/11807.001.0001>

Дата поступления в редакцию: 23.11.2021
Дата публикации: 17.12.2021